

в цикле повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») мы говорили о том, что «ссора является неперменным атрибутом действий нечисти. Провоцируя конфликты, потусторонние силы проникают в жизнь людей, трансформируя установленный миропорядок» (Трухина М. В. Мотив ссоры в цикле повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Филологические этюды : сб. науч. ст.

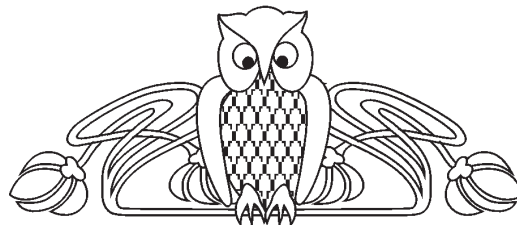
молодых ученых. Вып. 14, ч. 1. Саратов, 2011). Таким образом, налицо взаимосвязь мотива ссоры (частного проявления мотива разлада) и мотива нечистой силы. Перспективным представляется размышление о связи мотивов нечистой силы и гармонии у Гоголя – находятся ли представители потусторонних сил в согласии между собой, как в пословично-поговорочной традиции.

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

О ЧЕРТЫХАНИЯХ ГОГОЛЕВСКИХ ГЕРОЕВ

Е. Е. Завьялова

Астраханский государственный университет
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

В статье рассматривается специфика экспрессивных высказываний, связанных с упоминанием чёрта; устанавливается динамика изменений, которые эти формы претерпевают. Делается вывод, что чертыхания – это один из значимых элементов гоголевской поэтики, который помогает донести до читателя горькие истины. **Ключевые слова:** чертыхания, междометные выражения, щегольской жаргон, гендер, социокультурное различие, inferнальность, мифология.

голем стилистически маркированных выражений всё ещё недостаточно исследован. В связи с этим мы рассматриваем специфику экспрессивных высказываний гоголевских героев, связанных с упоминанием нечистой силы, конкретнее – чёрта; установили динамику изменений, которые эти формы претерпевают на протяжении творческого пути писателя. Для получения более доказательных выводов мы обратились к анализу текстов, применив метод сплошной выборки. В результате проведённой работы установлены следующие факты.

On Gogol's Heroes' Swearing Mentioning the Devil

Е. Е. Zavyalova

This article discusses the specifics of expressive sayings associated with mentioning the devil; the dynamics of changes these forms are undergoing is revealed. It is concluded that mentioning evil spirits is one of the most important elements of Gogol's poetics, which helps to convey to the reader the bitter truth.

В отличие от художественных произведений, в публицистике Н. В. Гоголя чертыханий практически нет. Более того, изучение соответствующих черновигов позволяет сделать вывод, что писатель сознательно избегает подобных выражений. Например, в «Петербургских записках 1836 года» изымается междометное сочетание из предложения «Однако ж, чорт⁹ возьми, странный русский народ...»¹⁰; только в черновом варианте статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» остаётся сравнение «Как чорт вертелся несколько часов...» (VIII, 528) и т.д. Указанные факты свидетельствуют о том, что для Н. В. Гоголя упоминания в текстах нечистого – особый приём, позволительный в одних случаях и недопустимый в прочих.

Key words: swearing mentioning the devil, interjection expressions, dandy jargon, gender, socio-cultural distinction, infernality, mythology.

Объясняя частое употребление чертыханий в гоголевских текстах, литературоведы выдвигают несколько к тому оснований, среди которых:

Ориентированные на фольклор «Вечера на хуторе близ Диканьки» вбирают традиционные сюжеты быличек, других жанров устного народного творчества, писатель изображает соответствующих демонологических персонажей. Поэтому оскорбительные в обыденной жизни выражения в пространстве малороссийских историй нередко приобретают иную коннотацию: Вакула говорит Пацюку, что тот приходится «немного сродни чорту» (I, 223), голова, любящая Солохой, восхищённо восклицает: «Эх, добрая баба! Чорт-баба!» (I, 211), Басаврюк величает ведьму «старой чертовкой» (I, 145) и т.д.

1) адекватное отображение социальной среды¹;

2) передача национального реалистического колорита²;

3) привнесение элементов народной смеховой культуры с её стихийно-материалистичным характером³;

4) воспроизведение языческого миропонимания⁴;

5) противопоставление «своего» мира «чужому»⁵;

6) указание на заблудшее сознание персонажей, оказавшихся в «нечистом» пространстве⁶;

7) выделение в портрете героя inferнальных примет⁷;

8) и даже – утверждение антиапокалиптической идеи⁸.

Несмотря на пристальное внимание к обозначенной теме, вопрос об использовании Н. В. Го-

столкновение героев повестей со сверхъестественной силой вызывает у них страх, раз-

дражение, что нередко проявляется в вербальной агрессии. Дед Максим, когда перестаёт «вытанцовываться», ругается: «Вишь, дьявольское место! вишь, сатанинское наваждение!» (I, 311); блуждающие по селу кум и Чуб негодуют: «Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! <...> Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана!» (I, 213), – здесь реализуется символика «нечистого», опасного локуса. А. Терц замечает: «Всё не так и не то – тут-то и скрывается чорт»¹¹. Писатель «оживляет»... фразеологические сочетания¹², возвращает широко распространённым в гоголевские времена устойчивым выражениям их исконное мифологическое содержание.

На игре значения идиомы и прямого, «демонического», смысла построены восклицания двух «парных» историй «Вечеров...»: «...ей снилось, что печь ездил по хате, выгоняя вон лопатой горшки, лоханки и чорт знает что ещё такое...» (I, 190–191) и «...взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз – не арбуз, тыква – не тыква, огурец – не огурец... чорт знает, что такое!» (I, 316). В «Пропавшей грамоте» и в «Заколдованном месте» герои наказываются за проникновение в потусторонний мир, наваждение оказывается следствием их неправильных действий, а потому *чёрт*, действительно, *знает, что такое* происходит¹³.

То же можно сказать и про междометные восклицания. Когда Чуб не находит на небе месяца и сердится: «Что за дьявол!» (I, 205), его слова выражают досаду; но в пропаже месяца действительно виновата нечистая сила. Когда Остап спрашивает Максима: «...а куда тебя, дед, черти дели сегодня?» (I, 312), внук оказывается недалёк от истины: тут на самом деле не обошлось без вмешательства нечеловека. Когда самого старика пугает страшная харя с красными глазами, он говорит ей: «Чорт с тобою!» (I, 314), бросает вожделенный котёл обратно в яму.

Чертыгаются в произведениях Н. В. Гоголя в подавляющем большинстве случаев персонажи-мужчины, на это обратила внимание И. А. Попова-Бондаренко, связав с данным фактом большую подверженность таких героев воздействию сатанинской силы¹⁴. Мы же хотим отметить, что тут дают о себе знать стереотипы мужественности: стандарты маскулинности обуславливают не только модель поведения «образцовых» гоголевских козаков, но и их речевые характеристики. Поэтому чаще других в «Вечерах...» чертыгаются голова из «Майской ночи», дед Максим из «Заколдованного места», Чуб, Вакула из «Ночи перед Рождеством», то есть те герои, в поведении которых сильно мужское начало.

В целом нужно отметить, что, хотя некоторые персонажи и остерегаются называть чёрта по имени, закономерность в первом сборнике писателя и в набросках, близких к нему («Страшном кабане», например) скорее обратная: нечисть постоянно строит людям козни, а потому герои вынуждены упоминать о ней. «Человек подпадает дьяволь-

ским чарам, не подозревая о том, имея дело <...> с непосредственным окружением и повседневным своим состоянием», – замечает А. Терц¹⁵. Когда, например, Вакула, возмущённый тем, что Пацюк ест скромные вареники в сочельник, восклицает: «Однако, что за чёрт!» (I, 224), он не содействует «материализации» чёрта – лукавый и так найдется у него буквально за плечами, в маленьком мешке.

Повести, входящие в «Миргород», разнороднее, употребления в них номинаций с семантикой нечистой силы носят дифференцированный характер. Наибольшее число чертыханий встречается в самом нефантастическом произведении сборника – в «Тарасе Бульбе». Во-первых, тема народно-героической эпопеи – борьба за религиозно-национальную независимость южной Руси, и ненависть к врагам оказывается в центре авторского внимания. Ср. восклицания Тараса: «Держите, держите чортова ляха...» (II, 92), «Что ж ты, чортов гайдук...» (II, 160); «Врёшь, чортов Иуда!» (II, 114), «Врёшь, чортов жид!» (II, 112), «Врёшь ты, чортов сын!» (II, 160), «И ты не убил тут же на месте его, чортова сына?» (про Андрия) (II, 113), «Своих, чортов сын, своих бьёшь?» (Андрию) (II, 143), «Что, взяли, чортовы ляхи?» (перед смертью) (II, 170). В. Ш. Кривонос на материале лексем, относящихся к собачьему коду, убедительно доказывает, что обилие экспрессивных выражений в «Тарасе Бульбе» семантически соотносено с важнейшей для гоголевской повести оппозицией «свой» мир – «чужой» мир¹⁶.

Во-вторых, частое употребление чертыханий, как и в «Вечерах...», характерно для brutальных персонажей (о чём, кстати, свидетельствует гоголевское замечание про гайдука, который «по всем приметам казался начальником, потому что ругался сильнее всех» (II, 158)). Значительная доля чертыханий адресована сотоварищам, показательны в этом плане выборы кошевого: «Не пять же, чортов сын!», – кричат Кирдюгу из толпы (II, 71). «...Многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт теперь и веры неёмёт», – возмущается новоиспечённый атаман (II, 74). И даже лирический герой «Тараса Бульбы», восхищаясь красотой необозримого пространства Запорожья, восклицает: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!» (II, 59).

Уместно вспомнить теорию М. Ю. Михайлина о появлении на территориях «фронтира» своеобразных мужских кодов, подчёркивающих маргинальность охотничьего и воинского пространства по отношению к магически понимаемому культурному центру. Там каждый представитель сильного пола автоматически теряет «семейные» магические роли, существенные для «совместных» территорий (отец, сын, муж, глава семейства), и приобретает взамен роли чисто маскулинные, характерные для агрессивного и монолитного в половом отношении мужского

коллектива (охотник, воин, ратный или охотничий вождь)¹⁷. В своём произведении Н. В. Гоголь показывает чисто мужскую, воинскую среду, которую можно определить как «хтоническую и магически враждебную»¹⁸. О наличии некоего табуистического кода на Сечи свидетельствует, на наш взгляд, уже сама кличка коня Тараса – Чорт.

Гендерная дифференциация речи в произведении вступает во взаимодействие с дифференциацией социокультурной. Начальник гайдуков чертыхается по-своему: «...сто дьяблов чортовой матке!» (II, 158). Ещё более знаменательна в этом смысле речь Янкеля перед запорожцами. Чтобы вызвать у козаков сочувствие и избежать расправы, он начинает говорить на их языке: «Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жиды: то чорт знает что <...> А католиков мы и знать не хотим: пусть им чорт приснится! Мы с запорожцами как братья родные...» (II, 79).

Об остальных частях сборника. В «Вие» чертыхается в основном Хома Брут. Его поведение, речь и даже фамилия¹⁹ (от франц. *brutal* – грубый, суровый²⁰) являют яркие признаки маскулинности: философ любит курить трубку (II, 181) и проводить время в корчме (II, 188), с лёгкостью заводит отношения с «молодою вдовою в жёлтом очипке» (II, 188), толкает «ногою в морду» свинью (II, 185), «со всех сил» колотит старуху *поленом* (II, 187). С другой стороны, исследователи неоднократно отмечали, что «вскользь сказанные слова» (имеется в виду неосторожное поминание чёрта) подвели героя «к опасному пространству»²¹ и «вызванный по имени чорт на самом деле, буквально, принёс Брута в лапы ведьмы»²². На наш взгляд, диалог философа с ведьмой можно рассматривать как подспудный вызов бесовским силам («А мы бы уже за всё это, – продолжал философ, – расплатились бы завтра как следует – чистоганом. Да, – продолжал он тихо, – чорта с два получишь ты что-нибудь!» (II, 184)). Впрочем, чертыхаются в «Вие» также отец панночки и ректор духовной семинарии (!), а потому проводить прямую параллель между сквернословием философа и приключившейся с ним историей, как и в других малороссийских повестях, не представляется возможным.

В «Старосветских помещиках» подобные высказывания отсутствуют, вероятно, потому что им нет места в патриархальной идиллии, даже если канонический жанр воспроизводится в присутствии Н. В. Гоголю иронической манере. Зато в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» чертыханий много. Мужественность Ивана Никифоровича и женственность Ивана Ивановича (на которые указал в своё время И. Д. Ермаков²³), кроме прочего, обнаруживают себя в отношении к ругательствам: «“Чтоб его (время) чорт взял! некуда деваться от жару”. “Вот, таки нужно помянуть чорта. Эй,

Иван Никифорович! Вы вспомните моё слово, да уже будет поздно: достанется вам на том свете за богопротивные слова”» (II, 232); «“Разве чорту поминки делать”. “Опять! без чорта таки нельзя обойтись! Грех вам, ей богу грех, Иван Никифорович!”» (II, 234–235) и т. д. Комизм этих диалогов заключается в том, что Иван Иванович, увещевая своего приятеля, машинально повторяет за ним богомерзкие выражения.

Всевозможные упоминания о нечистой силе встречаются в последней повести чаще, чем в остальных произведениях «Миргорода». Сосед приятелей любит говорить, что их «сам чорт связал верёвочкой» (II, 226). Гусиный хлев выстроен «с дьявольскою скоростью» (II, 242). Городничий делает «бесовски плутовскую улыбку» (II, 257). При появлении на обеде в собрании Ивана Никифоровича всё общество повергнуто в изумление, которое не смогло бы произвести даже прибытие «сатаны или мертвеца» (II, 270). Секретарь показывает на лице «дьявольски двусмысленную мину, которую принимает один только сатана, когда видит у ног своих прибегающую к нему жертву» (II, 263). В сатирическое повествование о глупой тяжбе двух обывателей введены элементы весьма популярных в то время произведений о князе тьме²⁴. Указанный приём будет встречаться в большинстве последующих произведений писателя. Его следует считать одним из способов актуализации inferнального художественного пространства, которое позволило Ю. В. Манну вести речь о «нефантастической фантастике»²⁵ Н. В. Гоголя.

В «Петербургских повестях» количество рассматриваемых междометных выражений и словосочетаний с местоименным указателем объекта «чёрт» уменьшается. Восклицания теряют свою оригинальную форму, унифицируются. Слова А. Белого, что «от “Веч.” до первого тома “МД” краски гаснут, как бы выцветая и в тень садясь»²⁶, вполне можно отнести и к чертыханиям гоголевских персонажей. Привычные для читателей формулировки переходят из одной петербургской повести в другую. См., например, фразы с междометным выражением «Чёрт побери», которое в первой половине XIX в. входило в состав «щегольского наречия» и воспринималось в его контексте как калька с французского «*que diable t'emporte*»²⁷: «Чорт побери, мой друг Гофман, я немец, а не русская свинья!» (III, 44) (Шиллер, «Невский проспект»); «Хорошо, хорошо, чорт побери!» (III, 74) (Ковалёв, «Нос»); «Чорт побери! гадко на свете!» (III, 83) (Чартков, «Портрет»); «Чорт побери, как теперь хорошо осветилось его лицо!» (рисующий Петромихали художник, «Портрет») (III, 128); «Ну, брат, не даром ты хотел сжечь портрет. Чорт его побери, в нём есть что-то странное...» (товарищ, выпросивший портрет у художника) (III, 132); «Чорт побери! Желал бы я сам сделаться генералом...» (Поприщин, «Записки сумасшедшего» (III, 205)). Налицо ситуа-

тивность значения чертыханий – от удивления до негодования, от досады до восхищения.

Восклицания героев «Петербургских повестей» носят общеупотребительный характер, они похожи на междометные выражения, кои вплоть до 1847 г. изобилуют письма самого Н. В. Гоголя (А. С. Данилевскому, М. А. Максимовичу, М. П. Погодину, А. С. Пушкину, В. А. Жуковскому, П. А. Плетнёву, М. С. Щепкину, А. А. Иванову и др.). Ср.: «К чорту...» (X, 297, 353), «...чорт меня возьми...» (X, 322), «Чорт возьми...» (X, 322, 323, 326, 327; XI, 96), «...чорт с ним...» (XI, 282), «...чорт знает» (X, 357, 375; XI, 190, 289, 320; XII, 356; XIII, 118, 201), «Чтоб его чорт побрал...» (X, 259), «Чорт побери...» (X, 262; XI, 165). Особого внимания заслуживает тот факт, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» восклицание «чорт побери!» не встречается ни разу, а в «Миргороде» – лишь один раз.

Чаще всего употребляют ругательства Чартков, Поприщин и Ковалёв. В первом случае более очевидна бесовская подоплёка: художник дважды упоминает чёрта, когда в свете красной зари несёт под мышкой приобретённый портрет. А. Терц пишет, что «омрачённые мысли и безответственные слова мог подсказать Чарткову новообретённый портрет, явившийся первопричиной всех его дальнейших несчастий. Но так или иначе словесный аккомпанемент с крамольным упоминанием чорта сопровождает и подкрепляет создавшуюся ситуацию, в которую неожиданно-негаданно попал герой Гоголя»²⁸. После чудесного нахождения денег художник выходит «на улицу живой, бойкой, по русскому выражению: чорту не брат» (III, 97) – вновь следует отметить игру слов, на этот раз в речи повествователя: *Чартков чорту не брат*.

Утрата Поприщиным рассудка оборачивается достижением героем определённого уровня свободы, избавлением от автоматизма. Чертыхания, ритмически размеченные в его репликах, помогают продемонстрировать не только вспышки агрессии, но и стремление титулярного советника к социальной независимости: «Да я плюю на него! Велика важность надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей – да чорт его побери!» (III, 198). Однако, как отмечает В. Ш. Кривонос, «частое упоминание персонажами (и повествователем) “чорта” <...> и др. – выражает не только их эмоциональную реакцию на те или иные ситуации и события, но и ощущаемую ими связь окружающего пространства с нечистой силой. Обращения к “чорту” порождаются одновременно и пространственной “нечистотой”, и заблудшим сознанием персонажей, отражающим их “заколдованное” состояние»²⁹. Поэтому, в частности, чертыхания в «Записках сумасшедшего» оказываются одним из способов передачи мифологических интенций: «Женщина влюблена в чорта... Она любит только одного чорта. Вон

видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездой? совсем нет, она глядит на чорта, что у него стоит за спиной. Вон он спрятался к нему в звезду» (III, 209).

Частые чертыхания Ковалёва также объясняются эмоциональностью, амбициозностью коллежского асессора, с одной стороны, и фантазмагоричностью происходящего, с другой. Фабула «Носа» не имеет выраженных причинно-следственных связей, логику событий нельзя восстановить, поместив событие в архаическую или традиционалистскую систему координат. Обратившись к аналогии с законом физики, можно сказать, что многочисленные упоминания нечистого «ионизируют» разряженное абсурдистское пространство гоголевского текста, в результате чего разность потенциалов порождает «разряд», то есть глубинный смысл.

«Прозаичны» по своей форме чертыхания и в комедиях Н. В. Гоголя. Природа драматического текста почти всегда исключает авторские характеристики, предполагает угадывание читателями и зрителями характера, намерений действующих лиц по их речевому складу, особенностям интонации и т. п. Поэтому излюбленные писателем междометные выражения в пьесах приобретают особую функциональность.

Наименьшее число интересующих нас форм содержится в «Женитьбе». Этому факту можно найти бытовое, прагматическое объяснение: обе стороны, участвующие в сватовстве, хотят показать себя с выгодной стороны, используют этикетные формулировки («А по какой причине – изволили одолжить посещением?» (V, 30); «А прошу покорнейше садиться» (V, 31); «Не с папенькой ли прелестной хозяйки дома имею честь говорить?» (V, 26); «Скажи же, скажи: благодарствую, мол, с моим удовольствием. Нехорошо же так сидеть» (V, 33)) и стараются избежать богомерзких выражений. Однако гоголевский вариант развития событий мало соответствует старинному обряду предложения брака, и чертыхания героев – тому прямое доказательство. В начале действия Подколесин фактически высказывает основную мысль произведения, используя при этом искомые выражения: «А ведь хлопотливая, чорт возьми, вещь – женитьба! То, да сё, да это. Чтобы то да это было исправно – нет, чорт побери, это не так легко, как говорят» (V, 12). В силу своего решительного разбитного характера первую скрипку в пьесе играет Кочкарёв; традиционное для литературоведения сопоставление этого героя с чёртом³⁰ не в последнюю очередь базируется на постоянном сквернословии Ильи Фомича. Третий герой «Женитьбы», поминающий нечистого, – высокомерный, резкий Яичница.

В «Ревизоре» часто чертыхается Городничий, что вполне сообразуется с гоголевским стилем изображения грубого, деспотичного персонажа. Примерно в два раза меньше междометных и

близких к ним высказываний с соответствующими лексемами в речи Хлестакова. Сначала Иван Александрович возмущается плохим обслуживанием в гостинице, при этом его реплики очень напоминают инвективы Поприщина: «Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чорт возьми, не могу так же? разве они не такие же проезжающие, как и я?» (IV, 31). В следующий раз Хлестаков чертыхается во время приёма просителей, когда получает возможность почувствовать себя на недостижимой для его собеседников высоте. Потом – при «любовном» объяснении: «*Анна Андреевна* (увидев Хлестакова на коленях). “Ах, какой пассаж!” *Хлестаков* (вставая). “А, чорт возьми!”» (IV, 75); литературно-театральные штампы в этой сцене легко увязываются со «щегольским наречием». По одному или по два раза упоминают чёрта практически все чиновники в комедии: судья, смотритель училищ, попечитель богоугодных заведений, почтмейстер, в то время как помещики Добчинский и Бобчинский не используют таких выражений. Необычным для гоголевского стиля является образ сквернословящей женщины: после известия о помолвке Марьи Антоновны с «ревизором» жена отставного чиновника Коробкина бросает в сторону Городничего: «Чорт тебя побери!» (IV, 88).

В комедии «Игроки» постоянно чертыхаются три действующих лица: Глов-младший, Ихарев и Утешительный. Первый на протяжении основного действия играет роль наивного юнца, мечтающего казаться буйном и храбрецом – «настоящим» гусаром. Для него ругательства – нарочито неуклюжая попытка презентовать себя как сильного и грубого «самца», отсюда механистическая идентичность реплик: «Чорт её побери с её свадьбой!» (V, 86), «Чорт побери, если так; играю!» (V, 87), «Чорт побери!» (V, 88), «Чорт побери, ва-банк!» (V, 88), «Ва-банк, чорт побери...» (V, 88, 89), «Чорт побери, побегу прямо к ней» (V, 91), «Чорт побери, да здравствует гусарство!» (V, 91). Примечательно, что когда Глов снимает маску, открывается перед Ихаревым, его чертыхания не прекращаются, но становятся более разнообразными по форме: «Какой чорт долг!» (V, 99), «...чорт ли и будут от него дети!» (V, 99). Второй персонаж, склонный к экспрессивным выражениям, – Ихарев. В ходе его общения с новыми приятелями междометия передают высокую степень возбуждения, которое охватывает помещика при мысли о грандиозности планируемой аферы. Пик сквернословия Ихарева приходится на последние явления, когда открывается истинная схема предпринятой компанией махинации. Третий «финалист» – Утешительный, «мозг» шулерской компании. Возможно, Степан Иванович намеренно подражает Ихареву и Глову, чтобы создать иллюзию полного взаимопонимания, единства взглядов.

В последней комедии Н. В. Гоголя бранящиеся герои-плуты вовлечены в нечестивое занятие – игру в карты, кои, согласно ортодоксальному христианству, есть орудие бесообщения. Иными

словами, с точки зрения религии (и не только православия), в «Игроках» писатель показывает грех в кубе: бесовские игры – мошенничество – чертыхания. Но, как раньше, в подтексте всех трёх комедий содержится мотив иррациональности происходящего: «...“чорт” предстает в значении необъяснимой мировой чепухи или мнимости, лежащей подо всем, что ни творится на свете в гоголевском исполнении. Сама физиономия жизни носит признаки “чорта”»³¹.

В итоговом произведении писателя находят отражение почти все отмеченные закономерности. По понятным причинам чаще всего герои «**Мёртвых душ**» чертыхаются, когда взволнованы, раздражены. Примером могут служить реплики Чичикова, которого возмущают скудоумие Коробочки (VI, 54), прижимистость Собакевича (VI, 104, 108), мотовство Петуха (VII, 50, 56) и т. п. Заслуживает внимания тот факт, что в состоянии негодования упоминают чёрта и положительные герои поэмы. Так, идеальный помещик Костанжогло, образ которого намечен во II томе поэмы, четырежды употребляет междометные высказывания с лексемой «чёрт», когда рассуждает об изъянах российской экономической системы (VII, 67, 69, 71). Но больше всех чертыхаются неугомонный Ноздрёв и активный, предприимчивый Чичиков, в поведении которых исследователи неоднократно отметили демонические черты³².

В ряде случаев упоминания нечистого в поэме способствуют усилению сказовых интонаций, например, в «Повести о капитане Копейкине»: «какая-нибудь Гороховая, чорт возьми!» (VI, 200), «мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе» (VI, 200). Чертыхания содержатся и в словах повествователя «Мёртвых душ», главным образом, потому что они включают в себя несобственно-прямую речь героев, например: «Ему (Петрушке) нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит» (VI, 20); «Они говорили <...> что главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мёртвые души, которые, впрочем, чорт его знает, что значат, но в них заключено...» (VI, 192); «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “чорт побери всё!” его ли душе не любить её?» (VI, 246).

Как и прежде, Н. В. Гоголь актуализирует прямое, мифологическое значение оборотов, в результате чего в очерченное писателем заурядное пространство российской действительности вторгаются дьявольские силы: «Чорт сбил с толку обоих чиновников...» (VI, 236), «пусть к тебе повадится чорт подвертываться всякой день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам суёт» (VI, 197), «а можно ли в самом деле устоять против чорта» (VI, 197). Мастерски воссоздаваемая в обоих томах «Мёртвых душ» кутерьма имеет

прямое отношение к преисподней: в послании «Занимающему важное место» Н. В. Гоголь пишет про «чорта путаницы» (VIII, 358), который является всякий раз, когда случаются обман, интриги, ссоры.

В отличие от ранее написанных произведений, в «Мёртвых душах» почти не упоминаются дьявол и сатана. Учитывая объёмность текста поэмы, этот факт нельзя считать случайностью. В 1844 г. в письме С. Т. Аксакову Н. В. Гоголь высказывает мысль, которая имеет прямое отношение к затронутой нами проблеме: «...теперь я <...> вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортом, не даю ему вовсе великолепного костюма à la Байрон...» (XII, 31). Лишь в эпизоде беседы Муразова с Чичиковым (наброски II тома) Павел Иванович обрушивается на добродетельного откупщика поток пышных фраз: «Сатана проклятый оболстил...» (VII, 110), «Искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!» (VII, 110), «Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, чорт, исчадь» (VII, 113). Преувеличенный пафос в словах и жестах главного героя проявляется не в последнюю очередь благодаря смене оценочных номинаций (которой не наблюдается, например, в «Выбранных местах из переписки с друзьями»), что позволяет сомневаться в искренности раскаяния Чичикова.

Подведём итоги. Н. В. Гоголь любил забористое слово³³, охотно употреблял соответствующие выражения в письмах к приятелям, особенно в юности. Но в публицистике от подобной лексики сознательно отказывался. Другое дело – художественные тексты; в них чертыхания были призваны выполнять ряд важных функций (они перечислены в начале данной статьи). Поэтому почти во всех сочинениях писателя герои поминуют лукавого. Примечательно, что исключение составляют те произведения, которые стоят особняком среди остального гоголевского наследия: юношеская поэма «Ганц Кюхельгартен», «неоконченная» повесть «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», идиллия «Старосветские помещики» и отрывок «Рим».

Характер демонологической номинации обусловлен национальным колоритом произведений. И если неоконченная пьеса об уэссекском короле Альфреде пестрит упоминаниями дьявола, то повести на малороссийскую тему содержат больше «этнографических» вариантов чертыханий, а в петербургском цикле на передний план выводится «щегольской жаргон». Эволюция формы междометных выражений и словосочетаний с местоименным указателем объекта «чёрт» в творчестве писателя заключается в их постепенном приведении к единообразию: оригинальные сочетания редки, экспрессивы практически лишаются нарративного начала. Лишь в ориентированной на сказ «Повести о капитане Копейкине» можно найти прежние интонации.

Чертыхаются в произведениях Н. В. Гоголя персонажи-мужчины, главным образом, эмоциональные, амбициозные, brutальные герои (из этого правила нами найдено всего два-три исключения). На гендерную дифференциацию речи накладывается социокультурное различие, проявляющееся в оппозиции «свой» – «чужой», а также мифологическое разграничение «этого» и «иного» мира (в том числе и тогда, когда писатель переносит «чорта из леса в город»³⁴).

В. В. Стасов утверждал, что с лёгкой руки Н. В. Гоголя «восклицания: “чорт возьми”, “к чорту”, “чорт вас знает” и множество других – вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали»³⁵. При всём том чертыхания в произведениях классика – не рекламный ход и не дань моде. Это один из значимых элементов гоголевской поэтики, который помогает донести до читателя страшные истины: действительности – видимость, окружающий мир – фикция, современный человек бессилён противостоять терзающим его демонам.

Примечания

- 1 См.: *Виноградов В.* Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Виноградов В. Язык и стиль русских писателей. М., 2003. С. 72.
- 2 Там же. С. 74.
- 3 См.: *Бахтин М.* Рабле и Гоголь : искусство слова и народная смеховая культура // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 485.
- 4 См.: *Василенко А.* Мифологические номинации в творчестве Н. В. Гоголя // Сборник докладов Вторых Гоголевских чтений «Н. В. Гоголь и мировая культура». М., 2003. С. 201.
- 5 См.: *Кривонос В.* Собачий код в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Новый филологический вестник. 2006. № 2. С. 114.
- 6 См.: *Кривонос В.* Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 1996. Т. 55, № 1. С. 46.
- 7 См.: *Сироткина Н. В.* Случайные встречи Чичикова в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, вып. 4. С. 309.
- 8 См.: *Есаулов И.* Пасхальность в поэтике Гоголя // Сборник докладов Вторых Гоголевских чтений «Н. В. Гоголь и мировая культура». М., 2003. С. 28.
- 9 Здесь и далее в гоголевских цитатах слово «чёрт» пишется через букву *о*, «чорт», в соответствии с правилами орфографии, существовавшими до 1956 г.
- 10 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. / АН СССР ; Ин-т рус. лит. М. ; Л., 1937–1952. Т. VIII. С. 550, 569. Далее цитаты в тексте даются на это издание с указанием в скобках римскими цифрами тома, арабскими – номера страницы.
- 11 *Терц А.* В тени Гоголя // Терц А. Собр. соч. : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 322.
- 12 *Софронова Л.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010. С. 105.

- ¹³ В письме Н. В. Гоголя С. Т. Аксакову находим случай открытого толкования этого фразеологизма, подтверждающий намеренность сопоставления прямого смысла с переносным: «Мы сами делаем из него (из чёрта) великана; а в самом деле он *чорт знает что*» (курсив автора) (ХП, 300).
- ¹⁴ См.: *Попова-Бондаренко И.* «Гоголевский код» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гоголезнавчі студії : збірник наукових праць. Ніжин, 2008. С. 174–185.
- ¹⁵ *Терц А.* Указ. соч. С. 322.
- ¹⁶ См.: *Кривонос В.* Собачий код в повести Гоголя «Тарас Бульба». С. 114.
- ¹⁷ *Михайлин М.* Русский мат как мужской обценный код : проблема происхождения и эволюция статуса // НЛО. 2000. № 3 (43). С. 333, 335.
- ¹⁸ Там же. С. 333.
- ¹⁹ Слова с корнем ‘брутал’ встречались в русских и украинских текстах уже в первой половине XVIII в.
- ²⁰ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 99 ; слово встречалось в русских текстах уже в XVIII в., вероятно посредничество польского или украинского языков (См.: *Друговейко-Должанская С. В.* Только ли Брут может быть *брутальным*? // Культура письменной речи. URL: <http://www.gramma.ru/RUS/?id=14.76> (дата обращения: 10.05.2013).
- ²¹ *Софронова Л.* Указ. соч. С. 101.
- ²² *Терц А.* Указ. соч. С. 322.
- ²³ См.: *Ермаков И.* Из статьи «Нос» // Гоголь в русской критике : антология / сост. С. Г. Бочаров. М., 2008. С. 357.
- ²⁴ См.: *Мишуа Ж.* Дьявол / пер. с фр. Н. Лебедевой. М., 2004. С. 87.
- ²⁵ См.: *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 101–125.
- ²⁶ *Белый А.* Мастерство Гоголя : исследование. М. ; Л., 1934. С. 123.
- ²⁷ См.: *Лотман Ю.* «Когда же чорт возьмет тебя» // Лотман Ю. Пушкин : биография писателя; статьи и заметки, 1960–1990. СПб., 1995. С. 340. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой выражение «чёрт возьми» – калька с французского, а «чёрт побери» – исконно русское (См.: *Виноградов В. В.* История слов : около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1994).
- ²⁸ *Терц А.* Указ. соч. С. 323.
- ²⁹ *Кривонос В.* Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя. С. 46.
- ³⁰ См.: *Горчаков Н.* Работа режиссёра над спектаклем. М., 1956. С. 73 ; *Кучина С.* Модификация авантюрного героя в художественной системе Н. В. Гоголя. Новосибирск, 2007. С. 6 и др.
- ³¹ *Терц А.* Указ. соч. С. 323.
- ³² См.: *Мережковский Д.* Гоголь и чёрт // Мережковский Д. С. В тихом омуте / сост. Е. А. Данилова. М., 1991. С. 215 ; *Набоков В.* Николай Гоголь // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 80 ; *Терц А.* Указ. соч. С. 32 ; *Сироткина Н.* Указ. соч. С. 308 ; *Кучина С.* Указ. соч. С. 13 и др.
- ³³ См.: *Ермаков И.* Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя. М. ; Пг., 1922. С. 37.
- ³⁴ *Терц А.* Указ. соч. С. 324.
- ³⁵ *Стасов В.* Воспоминания // Русская старина. 1881. Т. XXX, № 2. С. 415.

УДК 821.161.1.09-3+929 Гоголь

МОТИВ ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА В ПЕТЕРБУРГСКОМ ЦИКЛЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Т. А. Волоконская

Саратовский государственный университет
E-mail: svilga@yandex.ru

В статье проводится анализ повестей петербургского цикла с точки зрения мотива пристального взгляда, описывается процесс визуального «добраивания» реальности персонажами Гоголя.

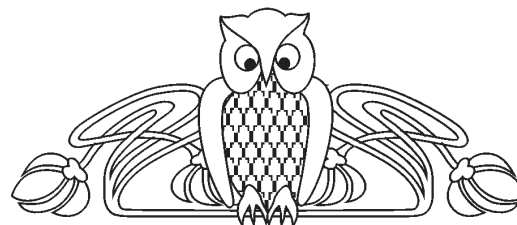
Ключевые слова: Гоголь, мотив, метаморфоза, пристальный взгляд, искажение, визуальное «добраивание».

Motive of the Steadfast Gaze in N. V. Gogol's Petersburg Stories

T. A. Volokonskaya

In the article Petersburg stories are analyzed in terms of the motive of the steadfast gaze. The process of visual «completion» of reality by Gogol's characters is described.

Key words: Gogol, motive, metamorphosis, steadfast gaze, deformation, visual «completion».

Одно из примечательных свойств метаморфозы в художественном мире Гоголя открывается нам в «волшебных» очках полицейского, изловившего нос майора Ковалева: «И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но к счастью были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос»¹. В качестве детали самостоятельного эпизода очки – это почти сказочный артефакт, помогающий своему обладателю разрушать действие чужих чар; в контексте же всего петербургского цикла они становятся очередным подлогом, яркой приманкой, уводящей читателя от более важных вещей. Превращение в гоголевской вселенной – не всегда следствие внутренней готовности объекта к изменению; часто оно – результат визионерства² (невольного или намеренного)